

Екатерина РУДИК

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА ДЕТОУБИЙЦЫ

**Книга белая.
Молюсь за тех и за других**

В зале судебного заседания молодая мать стояла, понуриив голову. На жесткие вопросы судьи отвечала односложно: «нет», а чаще - «да, да», соглашаясь. Все сбивчивые слова отчаяния, страха, которые приготовила в свое оправдание пред ликом правосудия, вылетели, исчезли. Вот они, эти оставленные дома в черновиках и не сказанные на суде слова:

«Уважаемый суд! Меня обвиняют в ужасном злодеянии. Не знаю, как могла свершить такое. Не ждала, не чуяла. А ведь как я была совсем недавно счастлива – Маша и Катенька, две дочери-двойняшки, радость моя. Пусть я одна у них, но я сильная. На кусок хлеба заработаю, защищу, не дам в обиду и сделаю все, чтобы они были счастливы, - так думала я и верила в это. Даже тогда, когда осталась без работы, не сдрейфила, как другие. Ну, поплакала, дочек пожалела, а они помогли мне укрепиться духом. У меня профессия в руках, не пропадем. Не догадывалась, что во мне зародилась еще одна жизнь. А когда узнала, предпринимать что-либо было поздно. Ну что ж, где двое - там и третий.

Я увидела сына месяца через два после родов и ужаснулась: как я могла родить такое чудовище? Огромная как шар голова, плеточки-руки и ножки, вместо детского плача резкий хрип. Врачи насчитали двенадцать болезней, таких, что не выговоришь, но запомнилось «внутриутробная инфекция». Врожденная, виновата мать, т.е. я.

Ровно год он находился в больницах, переводили из одной в другую. Первое время я навещала, а потом не ходила. Обо мне говорили «мать-кукушка» и всякое нехорошее. Но если бы кто-нибудь знал, чего мне стоило видеть это уродливое существо с огромной головой и с искривленным узким ртом от уха до уха – моего сына. Возвращалась, по дороге брала бутылку вина. И дома забывалась в слезах, а ведь раньше не прикасалась вот так одна. Подруги меня уговаривали, мол, откажись, имеешь право. У меня и правда никаких чувств к нему не было, только жалость, и я стала оформлять документы».

Таких записей-черновиков в ученических тетрадях (накупила для дочерей, нынче они пойдут в первый класс) у Лидии Коваленко много. Она готовилась к суду. Соседка Татьяна ей подсказала: «На суде тебе дадут последнее слово, чтоб не забыла, если растеряешься, все запиши». И Лидия по наивности уверовала в это как в спасение.

В ту ночь, перед судом, до утра просидела на кухне, писала. Она не знала, как защитить себя. Вернее не себя, а дочерей, которых ждет детдом. Перечитывала написанное, и получалось так, будто она не злодейка. Понимая всю бессмысленность этого занятия, бросала ручку. Снова перебирала собранные вещи в чемодане, которые пригодятся дочерям в их другой жизни, уже без нее. Но, представив, как после оглашения приговора ее берут под стражу, как кричат девочки, цепляясь за мать, продолжала на новом листочке: «Уважаемый суд...». И утром, закрывая квартиру, боялась, что не вернется. Но первый раз судебный процесс был перенесен из-за неявки свидетелей, медработников, кто пытался избавиться от ребенка-дауна, вручив его матери.

По факту обнаружения 15 января 1996 года трупа ребенка Сергея Коваленко с признаками насильственной смерти в квартире 76 на ул. Пожарского на Лидию Ефимовну Коваленко было возбуждено уголовное дело.

И вот сейчас свершится возмездие. Она получит срок в соответствии с фактом ее страшного преступления. Тридцатилетняя женщина, что сидит с покаянным лицом на скамье подсудимых, не готова к этому, и ее излияния на листочках ученической тетради правосудию решительно не нужны. По словам свидетелей-медиков, она была плохой матерью для сына и до его гибели.

С самого первого дня, как из больницы привезли ей домой больного мальчика, жизнь семьи пошла в другом измерении. Она тогда же заявила, что отказывается от ребенка. Но ее и слушать не стали. Предусмотрительно забрав казенные пеленку и одеяльце, удалились. Куда, к кому обращаться – не подсказали, и она не знала. Но, прежде всего, нужно было одеть это полуголое существо.

Она ни копейки не получила на сына от государства, ни единовременного пособия по родам, ни тогда, когда ребенок жил в материнском доме. Идти в соцзащиту, просить помощи на неполноценного, ей казалось постыдным.

Лидия не привыкла жить в нищете. Еще недавно, когда ее строительный трест процветал, она слыла лучшим штукатуром, на соревнованиях по профессии занимала призовые места. В 25 лет стала депутатом горсовета. А вот личная жизнь не сложилась. И с безработицей, рождением сына в дом пришла неприкрытая нищета и беда. Мать, единственная кормилица в семье, где четверо душ, оказалась связанной по рукам и ногам - оставить больного и на часок нельзя. Даже соседки, такие добрые, понимающие с неудовольствием оставались с ним, когда Лидии выпадал «калым».

Его недуги неизлечимы – это было понятно всем. В полтора года рост сына был как у шестимесячного, увеличивались лишь размеры головы, отеки на веках и настойчивей, неистовой хрипы. Было такое чувство, что он вот-вот умрет. Слабонервные, глянув на ребенка, отшатывались. Для оформления в спецбольницу требовались анализы, но Лидия с этим медлила. Нужен ли государству такой урод? Она в ответе за него, ей и расплачиваться.

Однажды, это была среда, Лидия, как заведенная, всю ночь носила его, хрипящего, на руках по квартире. Утром он уснул, а мать побежала по январскому морозу к парку Гагарина, где была назначена «калымная» встреча с клиентом по ремонту квартиры. Простояла в надежде на холодном ветру час впустую. Вернулась усталая, замерзшая. Поставила рядом с детской кроваткой бутылку с молоком, попросила: «Девочки, если он захочет есть, покормите». И только согрелась, провалилась в глубокий сон, как рядом стал надрывно кричать проснувшийся ребенок.

Не помня себя, Лидия схватила первое, попавшее под руку...

«Бутылкой с молочной смесью емкостью 0,5 литра нанесла ребенку три удара по голове, о чем свидетельствуют ссадины в лобной части и височной, - это уже из акта судебно-медицинской экспертизы. – Нанесенная закрытая тупая травма головы повлекла ушиб головного мозга, его отек, приведший к смерти С.Коваленко. Вину в содеянном Л.Е.Коваленко признала полностью».

Никому не ведомо, какую судьбу оборвала своею рукою мать, осужденная решением суда Индустриального района г. Хабаровска на пять лет лишения свободы. Условно.

(1996 г.)